

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4—1964

Н. В. ЧЕРНЫХ

НОВГОРОДСКИЕ ТКАНИ ИЗ НЕРЕВСКОГО РАСКОПА

Тема о древних тканях обширна во количеству возникающих при изучении проблем и интересов по своеобразным методам исследования.

Однако она не привлекала к себе достаточного внимания исследователей. Почти единственными из описанных и частично изученных являются археологические музейные ткани. Существенный недостаток этих работ состоит в том, что излагаются они преимущественно импортных и сравнительно поздних тканей. Конечно, установление из датировок, изучение технологии изготовления и т. д. помогают в какой-то мере разрешению ряда вопросов, связанных с внешней и внутренней торговлей древнерусского государства, уровнем развития текстильного производства на определенном историческом этапе, социальным составом общества, цеховой организацией ремесленников. Однако наиболее полное и правильное решение указанных проблем возможно лишь на основе изучения тканей, найденных при археологических раскопках.

Было уже установлено, что изучение древних тканей отличается своеобразными методами исследования, заключающимися в сочетании лабораторных (химико-микроскопического и химического анализа) и исторических методов.

В данной работе на основании изучения тканей из древнерусских раскопок в Новгороде рассмотрены лишь некоторые из вышеупомянутых проблем, а именно: некоторые вопросы западных и восточных внешнеторговых связей Новгорода Великого XIII—XVI вв., вопросы, связанные с конструцией древнерусского (новгородского) ткацкого станка и с оформлением древнерусских тканей.

Нами был использован археологический материал Новгородской археологической экспедиции НИИМК АН ССР и МГУ, добывший в течение 1961—1969 гг. из Неревской части Новгорода Великого. Всего было исследовано 434 фрагмента древних тканей¹, относящихся к слоям I—28 ярусов, т. е. во времени от X до XVI в. включительно.

¹ Ткани привезены в лаборатории НИИМК АН ССР.

Степень насыщенности слоев тканями неодинакова. Большинство (380) относится к слоям 20—6 ярусов, т. е. к XII—XIV вв., меньшинство (15) содержится в слоях XV и первой половины XVI в.

Большинство тканей представляют собой небольшие обрывки хлопка коричневато-бурового цвета. Однако некоторые образцы (140) имеют сохранившую первоначальную окраску, из них: 101 — красного цвета, 15 — черного, 13 — зеленого, 9 — желтого, 1 — синего и 1 — бежевого. Сохранность тканей различна и зависит от характера культурного слоя, окружающих предметов (состава металлических изделий, дающих окислы, способствуют лучшей сохранности тканей), природы волокна, плотности тканного переплетения.

При распределении тканей по природе волокни (данные микроскопического анализа) мы имеем следующую картину:

ткани льняные представлены одним фрагментом, датированным слоями 18 яруса, т. е. 30—40 гг. XII в.;

ткани хлопчатобумажные представлены тремя фрагментами. Две из них датируются началом XVI в., одна относится к слоям 70—80 гг. X в.;

ткани шерстяные представлены одним фрагментом, относящимся к слоям рубежа XV—XVI вв.;

ткани шелковые представлены 429 фрагментами, относящимися к слоям X—XVI вв.

При сопоставлении количества шерстяных и льняных тканей отмечается почти полное отсутствие последних, что можно объяснить лишь исходящностью растительного волокна в данных почвенных условиях. Письменные документы: писчие книги, торговые договоры, иконки, частные письма на бересте — дают нам многочисленные сведения о развитии льнопроизводства и изготовлении льняных тканей в Новгороде. Так, в грамоте № 21¹ (XII в.) упоминается «кусчина» — «саница» в новгородском промыслении, бочающие небольшой холст, в грамоте № 136² (XIV в.) говорится об уплате какой-то повинности, в состав которой входит лен («з горсти лынуг») и «сузания» — возможно «новина» — линнан ткань. Кроме того, из договорных грамот новгородская купчая пишет, что лен был главной статьей новгородского экспортного поставления из внутренние районы страны, так и за ее пределы (лен, пенька, холстый холст были предметами дальнебородского вывоза из Новгорода)³.

Очень незначительное количество хлопчатобумажных и шелковых тканей не вызывает удивления, так как эти виды текстильной продукции не характерны для данного исторического периода в жизни древнерусского государства.

Из них, подавляющую массу наших тканей составляют шерстяные (429 фрагментов). Как удалось определить микроскопическим анализом, все они сделаны из овечьей шерсти разного качества. Говорить о привозных сырья для этого вида тканей у нас нет никаких оснований.

По качеству шерсти они могут быть разделены на три группы: ткани тонкие, полуторацветные и трубоцветные. Тонкими (180) мы называем те ткани, нити которых состоят почти целиком из волокон сту-

¹ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 21.

² А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде в 1954 г. «Вопросы истории», 1955, № 2.

³ Н. С. Стремилов. Лен и пенька и их изделия в древней Руси и Московском государстве. «Сельское хозяйство и лен», в. CXVI, отд. II, стр. 221.

ка (жемчужина), отличающегося мягкостью, извитостью и отсутствием сердцевины (ости), при очень незначительной примеси грубых (перекошенных и остевых) волокон; полуторагрубошерстяные (210) — ткань, нити которых состоят в основном из перекошенных, реже остевых волокон и имеют некоторую примесь волокон пуха. К группе грубошерстяных (29) относятся ткани, нити которых состоят из волокон ости или перекошенного волоса с примесью так называемого «мертвого волоса».

На общем количестве тканых шерстяных тканей можно выделить группу суконных (56 фрагментов), отличительными признаками которых являются ворс, плотность переплетения, узкотесь при растяжении.

Сукии в свою очередь могут быть подразделены по качеству на две группы. Сукии I группы (23) имеют хорошо выраженные выщерченственные признаки суконной ткани, обладают хорошей сохранностью и без изменений демонстрируют первоначальную окраску (все они окрашены). Сукии II группы, хотя и имеют ровный ворс, но недостаточно плотны. В большинстве фрагментов можно проследить переплетение, что не удается для сукии I группы. По качеству шерсти они более грубые и окраска у подавляющего большинства заменяется под краской.

Интересна датировка сукон обеих групп (табл. 1). Сукии I группы имеют определенный период бытования (с начала XIII в. и далее). Наибольшее их количество (19) относится к концу XIII — XIV вв., т. е. к периоду позднейшего расцвета Новгорода Великого, в то время как сукии II группы встречаются на протяжении всего изученного периода. Исполину к концу XII — началу XIII в. относится время бурного развития фландрского суконоделия и массового выхода его продукции на рынок европейских стран.

Крупнейшие центры фландрского суконоделия Нар., Гент, Брюгге насчитывали в то время до 40 000 ткацких станков каждый¹ и нужды их обслуживалось населением ряда европейских стран Англии, Испании, Италии. Фландрцы изготовляли грубые сукна, полуторные, полуторашерстяные (XIV — XV вв.) и наиболее ценившиеся ткани, имеющие разнообразную окраску. Наиболее дорогими и популярнейшими наносящими спросом на международном рынке были алые, сиреневые, зеленые и голубые сукна². В наших письменных источниках неоднократно упоминаются привозные ткани, в числе которых названы «илюки» — широкие сукна. Под этим названием фландрские сукна были известны на Руси.

Впервые «илюки» сукна упоминаются в Первой Новгородской летописи под 1136 г.³ в грамоте князя Всеволода Мстиславовича, однако есть основание предполагать, что это поздняя вставка (во время XIV в., а возможно, и XV в.)⁴.

Большой прогресс фландрского сукна на Русь в XII — XIV вв. был связан и с огромным развитием в этот период торговой деятельности новгородских и западноевропейских, главным образом ганзейских купцов. В письменных документах наиболее часто упоминаются «илюки» — ткани красного «мертвого», зеленого и рудо-желтого цветов. Этот термин вполне соответствует нашему археологическому материалу.

¹ Г. Гайдаков. История торговли Европы, СПб., 1900, стр. 24.

² E. Сагенс-Уилсон. The Woolen Industry. The Cambridge Economic History of Europe, vol. II, chapter VI. Cambridge University press, 1922, pp. 375—376.

³ Новгородская Первая летопись Старого и Нового изводов. И.—Л., 1860, стр. 509—509.

⁴ Дополнение к Алаты историкам, т. I. СПб., 1846, стр. 4.

Распределение суков по векам^{*}

Строительный археологический период	Датировка	Количество фрагментов	
		I группа	II группа
1	Эпоха культуры XVI в.	—	—
2	10—30-е гг. XVI в.	—	—
3	начало XVI в.—1571 г.	—	—
4	1571 г.—160-е гг. XV в.	—	1
5	40-е гг. XV в.—1614 г.	—	—
6	1614 г.—1694 г.	1	2
7	1694 г.—1788 г.	1	2
8	1788 г.—1942 г.	4	2
9	1782 г.—1911 г.	2	1
10	1881 г.—80-е гг. XIII в.	1	—
11	80-е гг. XIII в.—1267 г.	6	—
12	1267 г.—40-е гг. XIII в.	3	1
13	40-е гг. XIII в.—20-е гг. XIII в.	3	1
14	20-е гг. XIII в.—начало XIII в.	2	2
15	начало XIII в.—80-е гг. XII в.	1	+
16	80-е гг. XII в.—70-е гг. XII в.	—	—
17	60—70-е гг. XII в.	—	—
18	30—40-е гг. XII в.	—	—
19	10—20-е гг. XII в.	—	—
20	10-е гг. XII в.—конец XI в.	—	0
21	20—30-е гг. XI в.	—	—
22	60-е гг. XI в.	—	0
23	середина XI в.	—	—
24	2-я четверть XI в.	—	—
25	1-я четверть XI в.	—	1
26	конец X в.	—	—
27	70—80-е гг. IX в.	—	—
28	середина VIII в.	—	1

^{*} Всего 36 фрагментов суковой ткани.

На 23 фрагментах сукон I группы, которые мы имеем основание считать фландрскими, красные составляют 19 фрагментов, желтые — 3 и 1 кусок полосатого сукна.

Помимо термина «сукно», в письменных документах XIII — XIV века находим еще одно название для тканей этого сорта — «суконка». В отличие от первого термина, встречающегося почти всегда в сочетании с названием места его изготовления или привоза («итальянка», «гутинская», «мосальская», «немецкая»), «суконка» во всех случаях стоит обособленно, что, возможно, говорит о приобщении термина «сукно» к различным тканям и «суконце» — к местным, домотканым. Однако в XV — XVI вв. термин «сукно» прославляется, во-второму, в местных суконных тканях. В этот период в Новгороде среди ремесленников уже имеются специальности, связанные с отдельными операциями суконства. Кроме того, в XVI в. привозные ткани этого сорта обозначаются не только термином «сукно» с названием места его производства или привоза. Поэтому шире с сукнами «наглациами», «азубурскими», «турецкими» и другими встречаются также названия суконных тканей, происходящие от их иностранных названий: «иренега» (irische Laken), «колчны» (colchester), «утрофель» (utterfine) и др.⁷.

Что касается иностранных тканей, пять фрагментов которых имеются среди новгородских образцов, то выяснение их происхождения имеет значение для освещения проблемы торговых связей Новгорода Великого с Востоком.

Наиболее полные сведения о торговле Новгорода с Востоком имеют-
ся от конца XV — начала XVI в. Так, в проекте договора с султаном от 1515 г.⁸ указывается, что турецкие, персидские и армянские купцы появлялись в Новгороде и Москве скобыми производителями, а, как известно, на основании данных Торговой книги XVI в., главной статьей импорта из стран Востока были хлопчатобумажные и шелковые ткани. На Персию вывоз тканей эта сортов в начале XVI в. составлял ежегодно 70% всего экспорта. Из Турции в это же время ежегодно вывозилось от 875 до 1125 ариши шелковой ткани⁹. Вывоз иныховых тканей с Запада также имел место, но в меньших размерах, так как хлопчатобумажные и шелковые мануфактуры европейских стран не могли конкурировать с исключавшей тысячелетнюю историю этой же отраслью на Востоке, несмотря на свое интенсивное развитие в XV — XVI вв. под влиянием великих географических открытий.

Когда первые хлопчатобумажные ткани появились на Руси, сказать трудно. Для Новгорода первые упоминания о хлопчатобумажных тканях мы находим в берестяных грамотах. В грамоте № 138¹⁰ (XIII в.), представляющей запись ростовника, названа «бужанник», что в документах XVI в. имеет значение тюфия, набитого хлопком сырья. М. В. Федоров отмечает, что с конца XV в. во стран Востока на Русь пошли готовых тканей, known as хлопок-сырец, употребляемый исключительно на полкладки и тюфии. В берестяной грамоте № 125¹¹ упомянута «санджида» — хлопчатобумажная ткань, хорошо известная

⁷ П. Сивилло. Описания старинных русских утварей, одежды, оружия, различных достоинств и коммюни прибора. СПб., 1896, стр. 299.

⁸ М. В. Федоров. Торговые связи России со странами Востока в XVII в. М., 1966, стр. 30—30.

⁹ Там же, стр. 93—94.

¹⁰ А. В. Арцибовский. Рагионки в Новгороде в 1501 г. «Вопросы истории», 1955, № 2.

¹¹ Там же.

по письменным источникам XVI — XVII вв. как «шанда́л» и «шанда́л из Булгарского ханства, где она впервые стала изгото-
вляться в селении Зейдана именем Х.»

О том, что шелкотобумажные ткани появились в Новгороде значи-
тельный раньше, чем на это указывают письменные документы, свиди-
тельствует находка куска шелкотобумажной ткани в слое 70—80-х гг.
X в. Ткань эта хорошо сохранилась, имеет полотняное переплетение, но
окрашена (натуралистического белого цвета). На основании этих данных она
может быть определена как «шанда́л» — ткань, известная в XV в. на
Русь из Персии, Турции и даже отдаленной Индии.

Для других образцов шелкотобумажной ткани относятся к слою
первой половины XVI в. Один из них представляет собой толстую узорную ткань,
изготовленную, возможно, с применением двух осей из окрашенной
пряжи, назначение ее не определено. Второй может быть отнесен к сорту
«канадской» — ткань полотняного переплетения, окрашенной уже в
готовом виде чаще всего в синий цвет. Принадлежность «канадской» главным
образом из Персии.

Наш единственный образец шелковой ткани, датируемый рубежом
XV — XVI вв., представляет собой тонкую ткань из непрорезаного шелка
с сильно размытыми полотняными переплетениями (применительно к
шелку — тафтингом) и изготовленную уже на окрашенной в темно-желтый
или темно-синий цвет пряже. Ее следует отнести к сорту тафты,
известной во второй половине XV в. с Востока. Западная тафта известна в более
позднее время (XVI — XVII вв.).

Технологическое изучение тканей дает возможность определить степень
сложности конструкции ткацкого станка и уровень технических
навыков древнерусских ткачей.

Необходимо коротко остановиться на самом технологическом про-
цессе образования тканей. Полотно ткань образуют две системы нитей —
основа и уток (продольные и поперечные). Обе системы закрепляются
путем плетения нитей при помощи ткацкого переплетения. Как происходит
переплетение — зависит от аппарата, при помощи которого производят-
ся сам процесс, и от прядок, применяемых ткачом.

Ткачество уходит своими корнями в глубокую древность к прими-
тивному плетению. Различные способы бесстоечного ткачества, сохра-
нившиеся до сих пор в народном быту, являются усложненными вариан-
тами этого сырьебывого приема. Ткацкий станок с вертикальной рамой
для выполнения нитей основы был первым приспособлением, с помощью
которого человек перешел от плетения к прimitивному ткачеству. В
самом, значительно усовершенствованном виде он существовал у
народов древнего Востока, в античной Греции, у варварских племен
Европы. Более сложным по конструкции являлся ткацкий станок с гори-
зонтальной рамой. В нем были устранены недостатки, присущие станку
первого типа, а именно, стало возможным изготовление тканей большей
шириной и необходимым участие двух ткачей. Этот тип станка в усо-
вершенствованном виде существует и до наших дней. Когда он появил-
ся, сказать трудно. Известно, что станки с горизонтальной рамой пре-
менялись в античной Греции, но когда произошло основательное
вытеснение в массовом производстве станка с вертикальной рамой — не
установлено. Так, Италия, страна с развитым для своего времени тек-
стильным производством, еще в XI в. широко применяла вертикальный
станок¹⁵. Вертикальная рама до наших дней сохранилась в некоторых

¹⁵ Р. Ч. Скрижникова. Текстильные ткани западноевропейского средневековья. Сборник по истории технологии замкнутоструктурных формаций. Л.—Л., ИМК, стр. 309.

виды текстильного производства (хоровое, побелковое), а также в быту некоторых народностей (литургия, народных ложеи, народных басен).

Каков же был древнерусский ткацкий станок? На основании археологического материала («составной» керамика, грунтов «дьячков» типа, кусочки ткани в землем погребения Младшего Волческого могильника) можно говорить о существовании для северо-восточной Европы I тысячелетия до н. э. параллельно с бесстяжными приемами изготовления тканей, должностными в народном быту до XX в. и промышленными для текстильных мастерских изделий при помощи «бердечка», «комарки», «ткальца на ниту», плоского станка с вертикальной рамой. Основываясь на сопоставлении во всех славянских языках названий отдельных частей горизонтального ткацкого станка («бердок», «книта», «подводка»), Л. Нидерль и Б. А. Рыбаков¹² считают возможным предположить, что еще в древности славяне были известны станок с горизонтальной рамой. Н. Н. Лебедева¹³ считает, что восточнославянский станок с горизонтальной рамой имел своих прямых предшественников в праславянских работах бесстяжным способом изготовления тканей, известный в начале нашего века среди народов Рязанской, Орловской, Вологодской, Архангельской областей, Литвы и Белоруссии как «ткальца на ниту», где имеется простейшее подобие ременного аппарата.

Изучение ткацких первоисточников новгородских тканей позволяет выяснить степень сложности конструкции ткацкого станка, существовавшего в Новгороде в X—XVI вв.

Прежде перечислим основные рабочие части станка с горизонтальной рамой. Всякой станок этого типа должен иметь:

1. «Навеса» — приспособление для горизонтального натяжения нитей основы и нитей уже готовой ткани.

2. «Резин», или «нит», — аппарат для механического разделения основных нитей и поочередного их поднятия и опускания, в результате чего между ними образуются простиранства — «зубы», куда опрокидываются чешуи с поверхкой уточной нити, приближающейся к уже готовой ткани гребнем — «бердоком», называемым на свободно ходящей раме — «батаном».

Из вышеупомянутых частей станка его основной рабочий частью является ременный аппарат, и именно он может быть восстановлен при изучении ткацких переплетений.

По характеру ткацких переплетений все новгородские ткани могут быть подразделены на три типа:

1. Ткани полотняного переплетения. Характерным внешним признаком их является расположение нити основы и утка в шахматном порядке, причем лицевая и изнаночная стороны имеют одинаковый вид. При технологическом разборе переплетения устанавливается, что основные и уточные нити перекрываются поочередно, поэтому rapport ткани (повторение переплетения по основе и утку) всегда равен двум нитям. Ткани этой группы прочны, так как нити жестко скреплены между собой. Среди них образец этот тип переплетения представлен в 100 фрагментах.

2. Ткани саржевого переплетения. Этот тип переплетения более

¹² Б. А. Рыбаков, Руково древней Руси. И., ИМК, стр. 187.

¹³ Н. Н. Лебедева. Пределы в текстильном производстве у восточных славян в конце XIX и начале XX в. Восточнославянский этнографический сборник. Тр. Института этнографии, под. общ. т. 31. М., 1926.

сложен. Перекрытие нитей располагается не в шахматном порядке, а то сдвигом, в результате чего образуются рисунок из полос, идущих по диагонали (на лицевой стороне диагонали идут сплошь слева направо, на изнаночной — наоборот). Переплетение прочное, однако ткань более мягкая, так как связь между нитями здесь жестка, чем в полотинном. Этот тип переплетения в свою очередь подразделяется на простое саржевое переплетение (диагональные полосы однородны) и сложные саржевые переплетения (полосы неоднородны).

Среди наших тканей есть образцы как простого, так и сложного саржевого переплетения, но давать их количественные соотношения нецелесообразно, так как в технологическом отношении образование их происходит одновременно.

Общее количество наших тканей изованного переплетения составляет 189 фрагментов.

3. Ткани сложных переплетений, подразделяющиеся в свою очередь на две виды:

А. Ткани, имеющие на лицевой и изнаночной сторонах одинаковый рисунок из рубчиков, идущих вдоль (по-подиуму, вдоль основных нитей). Эти ткани напоминают ткани репсового переплетения.

Б. Ткани, имеющие на одной стороне (вероятно, лицевой) рисунок репсового типа, а на другой, в отличие от ткани первого вида, — полосы из сильных настяженных диагоналей, очень плотно примыкающих друг к другу и напоминающих саржевое переплетение. Ткани этого вида были характеризованы специалистами-текстильщиками как «комбинированная саржа».

Тканей первого вида мы имеем 3 фрагментов, второго — №2. Общее количество фрагментов со сложными переплетениями среди новгородских тканей — 110.

Какая же существует зависимость между тканью такого переплетения и конструкцией ремесленного аппарата? Дело в том, что число ремизов станка, производящего ткань определенного вида, всегда членено разно раппорту этой ткани. Таким образом, определив раппорт, мы тем самым устанавливаем число ремизов, в огорода и степень сложности станка.

Так как рапорт ткани полотинного переплетения всегда равен двум нитям, то можно сказать, что для производства тканей этого типа в стиле использовалось племенное из полотинного числа ремизов, именно два. Что касается наших тканей саржевого переплетения, рапорт которых равен трем, четырем и более нитям, то следует отметить, что для их изготовления требовалось наличие в станке уже 3—4 и более ремизов. Последнее в свою очередь предусматривало необходимость специальных механических приводов, соединявших ремизы с вожжами педальми — «подиумами», число которых могло доводиться до четырех.

Разбор тканей со сложными видами переплетений позволяет говорить о применении при их изготовлении двух осей или двух уток (последние вертикальные). Обычно ткани, производившиеся с применением двух или более осей, как известно на основании этнографических данных¹⁷, имеют основные и уточные нити из материалов разных сортов: лен и шерсть, коноплю и шерсть; в иных тканях это название не прослеживается. Ткань ткани, основанная на применении двух или нескольких уток, тесно связана с широко известными до настоящего про-

¹⁷ Н. И. Лебедев. Практика и традиции у местных мастеров..., стр. 577.

зали в народном быту восточных славян так называемых «броней» и «желтой» тканей¹.

Так как ткани всех трех вышеизложенных типов передвижения распределяются в склонах 28—2 строительных ярусов без какой-либо закономерности, т. е. на протяжении всего изученного периода по XVI в. непрерывно, проследить эволюцию ткацкого стиля не представляется возможным.

Что можно сказать об окраске тканей? Выше уже отмечалось, что некоторое количество фрагментов новгородских тканей имели сохранившую свою первоначальную окраску. Кроме того, при микроскопическом анализе тканей, имеющих коричневато-бурый цвет, удалось дополнительно выявить окраску еще у некоторого количества фрагментов (запахи пятен не сохранили частички краски). Таким образом, число окрашенных тканей составляет 337 фрагментов (см. выше).

Цвет	Оттенок	Количество фрагментов
Красный	Кармин	60
	Кроваво-красный	202
Желтый		29
Зеленый		13
Синий		1
Белый		1
Черный		46

Из приведенных данных видно, что большая часть наших тканей была окрашена и преобладал красный цвет.

К сожалению, анализ за краситель для желтые результаты дали для всех сукон I группы и одного фрагмента хлопчатобумажной ткани начала XVI в. Поэтому представления о красителях основываются лишь на данных, которые содержатся в работах, связанных в той или иной степени с применением в изготовлении красок в наученный период, а также на основании этнографических сведений².

Известно, что в средневековые, как и в древности, применялись только естественные красители главным образом растительного происхождения. Наиболее распространеными в средние века в Европе были красильни, добываемые из лайлы (*Battis tinctoria*)³, марены (*Rubia*

¹ Н. Н. Лебедева. Народный быт в деревнях Оки и Лесы. Этнографического отдела, вып. 2. М., 1929; ее же. Прядение и полотно у восточных славян. А. Астрелька. Всероссийский съезд археологов и историков поселений. Масск, 1929, стр. 2—3.

² Н. Н. Лебедева. Прядение и ткачество у восточных славян; ее же. Народный быт в деревнях Оки и Лесы; Г. С. Миславская. Народные сказки русских, деревенские и фольклорные в начале XIX — начале XX в. Тр. Ин-та этнографии, т. 31. М., 1956; В. А. Шляпинский. Старые из истории текстильной промышленности краски в древней Руси. М., 1928; Е. Сагит-Шайхова. Ор. сб.

³ Название растений заимствовано из работ: В. А. Шляпинский. Ук. сб.; Е. С. Герасимов. Заметки об употреблении в народном быту некоторых декоративных растений украинской фольклоры. Харьков, 1887; А. А. Федоров и др. Я. Рубин. Красильные растения СССР. Растительные сырье СССР. Сборник статей, т. 1. М.—Л., 1926; Г. С. Миславская. Ук. сб.

систория), химини-коричного (*Roridugordonia polonica*), зрачок наиболее широко использовалась лайда и марена.

Лайда дает различные оттенки синего цвета. В комбинации с другими красителями она дает окраски других цветов: с мареной — красного, с фиолетовым и пурпурным оттенком; с кошачьей — прочную темно-красную краску. Празмы лайды были обязательны для получения черных, золотых и зеленых окрашиваний. Использование лайды в промышленном деле Западной Европы было столь велико, что создалось производство концентрированной лайдовой краски, которая поступала на рынки европейских стран. Такими районами в XIII—XIV вв. были Пикардия и Лангердоэ во Франции.

На Востоке в это время также же широкое распространение в красильном производстве имело «индиго» — краситель, добываемый из рода южных растений, главным образом из так называемой «индигокраски» (*Indigofera tinctoria*), давший синее и голубое окрашивание. В Европу, несмотря на значительную торговлю с Востоком, «индиго» проникло только в XVI в. и утвердилось там в XVII—XVIII вв. Наш образец золотобумажной ткани синего цвета при воздействии на него концентрированной лайдовой краской дает положительную реакцию на «индиго». Этим самым подтверждается ее восточное происхождение ткани. Помимо лайды и индиго, для синих окрашиваний применялись коры крепыльского дуба.

Для получения красной краски различных оттенков пользовались главным образом красителями, получаемыми из марены и кошачьей. Кошачья («юргис») добывалась из жучка, живущего на корнях трав. Основными районами сбора и использования кошачьи в качестве красителя были области Средней Европы (Польша, восточная Германия). Применялась кошачья для получения прочной краски — алой и пурпурной. При химическом анализе наших сунов I группы установлено, что для окрашивания 19 альб фрагментов был использован краситель, полученный из кошачьи.

Какие же красители применялись для окраски тканей в древней Руси? В. К. Клейн¹¹ на основании исследования тканей ряда славянских и финских архитектур высказывает предположение, что для их окраски употреблялись красители, полученные из растений местной флоры. Это же отмечают Л. И. Якунина¹² и В. А. Шанинскай¹³.

Как мы уже видели, самым распространенным цветом среди наших тканей является красный. Красный — «червленый» цвет был любимым цветом славян.

Наиболее употребляемым на Руси красным красителем был «червень», полученный из кошачьи ткани. Соссия рогатинская и давний красное окрашивание харминного оттенка. Применение «червенца» было настолько крепко связано с древней традицией, что он долго выдерживал конкуренцию с появившейся на рынках России и Западной Европы (бульоном, он появился в XV—XVI вв.) дешевой американской кошачьей («Соссия саси»). Только с XVIII в. Россия начинает пользоваться привозным «червением». Трудно сказать, почему название данного красителя имеет общий корень со словами, употребляемыми для обозначения красного цвета хиннового оттенка. В наших восьмидесятых источниках

11 В. К. Клейн. Опыт лабораторного воспроизведения древних тканей. Сб. I. Межрайонной выставки ГАННК. 1958, стр. 3.

12 Л. И. Якунина. Рукописные памятники XVII—XVII вв. М., 1956, стр. 16.

13 В. А. Шанинскай. Ул. стр. стр. 21.

последнее встречается противостояние двух оттенков красного цвета: «червячного», «черепичного» (желтаварного) «багровому» (жариновому, пурпурному). Более всего являются следующие обозначения: так как «червяц» имел очень широкое распространение и применение его было связано с древней традицией, названия с этим корнем стали употребляться для обозначения красного цвета любого оттенка.

Помимо «червяца», у нас на юге называли в качестве красного красителя применявшиеся вымоченутые марены. Но на севере и в центральных районах, где эта культура не развивалась, можно говорить лишь об использовании природной марены. Несколько в «червяце» и марене в северных районах, вероятно, компоновалось применением красителей из местных растений, которые до сих пор распространены в народном быту, например, подмареник (*Galium verum*), трава зверобоя (*Hypoxis perforatum*), ранункуль (*Opopanax histeria*) и ряд других. Возможно, что для окраски такой могла использоваться естественная киноварь.¹⁶

Желтый цвет был менее распространения. Красители добывались из многолистовых растений местной флоры. Промную окраску давали наиболее часто применявшиеся растения из семейства крушиновых (*Rhamnaceae*), распространенные как в лесных, так и в центральных и северных районах. Упоминание об одном из них («желтысь») имеется в сборнике XV в.¹⁷ Кроме этих растений, употреблялись также, как дрок (*Gentia tinctoria*), купинка (*Olivetia tinctoria*), жетребника (*Nierembergia imbellatam*), шалфей (*Salvia officinalis*), золотарник (*Solidago Virgaurea*), листья бересмы (*Betula verrucosa*), кора дикой яблони (*Pirus malus*) и другие.

Зеленую краску обычно получали из смеси желтых и зеленых красителей, а также непосредственно из таких растений, как трава сердечник, или сернушка (*Betoniella tinctoria*), дикая рябина (*Rubus hispida*), вороний глаз (*Paris quadrifolia*), залежка (*Scabiosa incisa*) и другие.

Остальные цвета, хотя и не представленные среди наших трав, могли быть получены из рода двулистущих трав и кустарников.

Синяя краска, известная под названием «сиртика», распространялась довольно широко, но менее, чем красная, получалась, по-видимому, из какого-то местного растения. В XVI—XVII вв. под названием «сиртика» на Русь ввозились восточные «индиго». Но поскольку писать до XIX в. этот термин не был выведен, возможно связывать его с древней местной традицией.¹⁸ Вероятно, для синего окрашивания употреблялись и вымоченутая выделя, которая входит в число растений нашей флоры. Содержащаяся в ней в небольшом количестве индиго нерастворимо, поэтому еще с древности у нас был известен индиговый куб (переведение путем фракции нерастворимого индиго в растворимое состояние — белое индиго). Смоченные в растворе травы развеинивались прямо на воздухе, вслед за которым способствовал закрепление красителя. Из других растений, применявшихся в быту населения северных районов для получения синей окраски, наиболее известны: син-трава (*Plantago*), пасльон (*Celosia*), черника (*Vaccinium myrtillus*), лядвенец (*Lotus corniculatus*).

Коричневое окрашивание достигалось применением растений, богатых дубильными веществами,— черных листьев орешника, дубовой и оль-

¹⁶ Л. И. Якунина. Русские забытые травы XVI—XVII вв., стр. 16.

¹⁷ В. А. Шаховской. Ук. соч., стр. 20.

¹⁸ Там же, стр. 16.

ховой коры и др. Черная краска обычно наносилась с помощью сажи и волоха.

О способах применения вышиторюческих красителей известно очень мало. В. А. Шаминский считает, что древнейшим способом было окрашивание без железных проправ для закрепления красителя¹⁷. По мнению В. К. Клейба, в качестве проправ исследованных им тканей могли быть применены только кисти¹⁸. Аналогичные указания по отношению к фландрскому скрупулю XII и начала XIII в. дает Е. Саган-Уильямс, называя в качестве проправ поганку, зелу и кавасы¹⁹.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Новгород X—XVI вв. был знаком с различными видами текстильного сырья. Многочисленные находки шерстяной материи, различной по качеству сырья, свидетельствуют о развитии здесь овцеводства, доказанного не только грубой, но и высококачественной пуховой шерстью.

2. Наличие в числе новгородских тканей проводных материй западных сукон и восточных клотчебумазных и шеновых тканей еще раз подтверждает западные и восточные внешнеторговые связи Новгорода Великого, одновременно расширяя их производственные рамки вглубь (до X в.).

3. Технологическое изучение тканей свидетельствует о высокой ступени развития текстильного производства в древней Руси. В X в. новгородский ткацкий станок имел тот развитый тип склонного ткацкого станка с горизонтальной рамой и несколькою чеканками, который завершает развитие ткацких ткацких за период натурального хозяйства и допускает возможность перехода от домашнего ткачества к ремесленному производству.

---

¹⁷ В. А. Шаминский. Ук. соч., стр. 22.

¹⁸ В. К. Клейб. Ук. соч., стр. 3.

¹⁹ Е. Саган-Уильямс. Оп. 21, рр. 278—280.